

Радости и печали «Пушкинской энциклопедии» Пушкинского Дома (Крымский взгляд)

В рамках проекта «Пушкинской энциклопедии», практически осуществляемого Пушкинским Домом с 2003 года [см. 1], вышли в свет новых два тома [см. 2 и 3], подготовленных, как пишут редакторы, в третьей серии задуманных ими книг. Эта третья серия состоит из комментариев к произведениям поэта. Знакомство со всеми тремя сериями издаваемых Пушкинским Домом книг позволяет начать разговор о «Пушкинской энциклопедии» как о системе.

Существуют разные способы измерять и осмыслять «бег времени» (А. Ахматова). Есть календари, хронологические таблицы, летописи, дневники, мемуары. Один из самых изысканно-академических и объективно-документальных способов подобного осмысления времени – энциклопедии. Каждая в своей области, они фиксируют самые важные приметы достижений и пока еще не решенных задач настоящего. А тем самым они неизбежно сопоставляют его с прошлым – и одновременно дают ориентиры для «настающего настоящего» (Л. Мартынов), то есть будущего.

Если А. С. Пушкин – ключевая, сердцевинная фигура нашей культуры (и более того, говоря словами самого поэта, нашего «самостоянья»), то с неизбежностью «Пушкинская энциклопедия» будет таким же важнейшим мерилем состояния нашей науки в целом (а не только «специального» пушкиноведения). Дерзнем сказать, подобный труд измеряет всё наше социокультурное сознание: его свет и тени, степень его профессиональной зрелости и духовной готовности к тому самому «настающему настоящему».

Время рассудит, – гласит популярная формула. Энциклопедии (а «Пушкинская энциклопедия» в особенности) – один из наиболее объективных судов, каким наша национальная история судит нас, современных, и определяет степень нашей состоятельности.

Первый шаг в разработке всякого фундаментального проекта – формирование стратегии. Она обыкновенно включает: 1) круг авторов; 2) круг объектов, подлежащих анализу (в данном случае, пушкинских текстов); 3) их типологию (хотя бы наиболее общую: род – вид – жанры); 4) сочетание теоретического и исторического аспектов в самих энциклопедических статьях (первый аспект статичен, зато является структурообразующим; второй динамичен, отвечает за эволюционный ряд и конкретику наблюдений, однако он более «текуч», оценочен, а потому и неизбежно более субъективен); 5) заботу о прагматичном удобстве пользования изданием – следовательно, о широте его потенциальной аудитории.

Естественно, все названные (и другие, не названные нами) аспекты для такого издательского жанра, как энциклопедия, отражают еще и трудно достигаемое, но необходимейшее единство итоговости, фундаментальности, охвата всех крупнейших (особенно методологических, но и фактологических) достижений в данной области – и поисковости, новизны, «двигающей» исследовательские итоги вперед, превращающей всякие результаты в задачи завтрашнего дня.

Разговор об издаваемой сегодня «Пушкинской энциклопедии» неизбежно будет побуждать к сравнению с ее пушдомовскими предшественницами. Итоги этого сравнения могут быть отчасти самоуспокоительными. Объяснимся. Энциклопедии – издания нечастые. Дистанция между их выпусками, как правило, достаточно велика для того, чтобы каждое новое издание могло польстить нашему научному самолюбию. Предыдущая писательская энциклопедия заведомо не имела подобной информативной базы: ни стольких электронных данных, ни такого количества

исследовательских центров (как в самой России, так и за рубежом), ни такого распространения новейших поисковых технологий. Но дело в том, что все эти достижения технического прогресса не могут отменить главного фактора, обеспечивающего успех задуманного дела, – труда и таланта самого исследователя.

Системный формат издаваемой «Пушкинской энциклопедии», к сожалению, вызывает целый ряд вопросов.

Начнем с простого. Оба вышедших в серии «Произведения» тома «Пушкинской энциклопедии» лишены очень важного элемента для каждого справочного издания – в них нет «Содержания». В результате, полагаю, владельцы книг вынуждены от руки, как и я, вписывать на свободных листах, на каких страницах в этих изданиях искать «Условные сокращения», «Указатель имен» и «Список иллюстраций». Тем самым мы заодно выясняем, что в двух томах энциклопедии имеются только эти три указателя. Также мы с удивлением узнаём, что в этих томах нет «Указателя произведений Пушкина», которые комментируются в каждом из них (особенно это важно в тех случаях, когда одна буква попадает в два тома), а также «Указателя имен комментаторов» с перечнем написанных ими статей. И то, и другое также надо искать вручную, перелистывая книги страница за страницей. На наш взгляд, это серьезно нарушает требования, которым должно отвечать любое энциклопедическое издание. В качестве образцового исполнения такой работы отсылаем желающих к «Лермонтовской энциклопедии», три с половиной десятилетия назад подготовленной под редакцией В. А. Мануйлова [4]. В этом издании помимо «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», двух словарей языка поэта (рифм и частотный) и трех списков принятых сокращений есть также «Указатель статей Лермонтовской энциклопедии», список авторов статей (270 исследователей из многих регионов Российской Федерации, а также Азербайджана, Болгарии, Венгрии, ГДР, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, Румынии, США, Туркмении, Узбекистана, Украины, Чехословакии, Эстонии и Югославии) и состав редакторов всех разделов справочного пособия (16 имен).

Нам могут возразить, что отсутствующие указатели будут помещены в последнем томе издания. Боюсь, что при нынешних темпах выхода в свет «Пушкинской энциклопедии» очень многим ее читателям не суждено будет воспользоваться последним справочным томом. Кстати, уже упоминавшиеся современные электронные средства обработки текстов делают подготовку соответствующих указателей для каждого тома в отдельности не очень обременительной.

Перейдем теперь к конкретным замечаниям, начав разговор с личного примера.

1. Получив несколько лет назад первый том «Пушкинской энциклопедии» и открыв «Указатель имен», я нашел свою фамилию и увидел ссылки на мои работы в комментариях к стихотворению «Буря»: страницы 193 и 194. Однако, ни на той, ни на другой странице моих статей не было. На самом деле они фигурируют в энциклопедии на страницах 195 и 196.

К сожалению, проблемы «Указателя имен» продолжились и во втором томе энциклопедии. Мало того, что целый ряд статей здесь вообще почему-то не подписаны авторами (см. с. 95, 113, 118, 185 и другие), но даже подписанные статьи (например, В. Д. Рака на с. 92) не получают отражения в указателе (см. с. 591).

2. В статье Е. В. Кардаш «Буря» на с. 196 вдруг речь начинает идти о стихотворении «Дева». Ясно, что это описка, вызванная тем, что в этой части статьи говорится про миф об Ифигении и о культе богини Девы. Автор, конечно, имела в виду стихотворение «Буря», в котором также упомянута «дева». Но описка так и осталась неисправленной.

3. В списке литературы к статье «Буря» названа моя с коллегами работа о Георгиевском монастыре и осмыслении Пушкиным мифа об Ифигении и указаны страницы отсылок – 42-43, 45-46. Но на этих страницах в нашей работе речь идет совсем о другом: о монахах монастыря и рационе их питания. Об Ифигении речь идет на страницах 35-41.

4. Е. В. Кардаш ссылается на две мои работы, из которых только одна (о стихотворении «Буря») имеет прямое отношение к ее статье. Вторую она почерпнула из критической статьи М. В. Строганова. Приходится заметить, что Е. В. Кардаш не владеет полной библиографией вопроса. Моя статья о «Буре» была дважды напечатана в Крыму (помимо указанного альманаха также в сборнике «Проблемы истории и археологии Крыма»), а кроме того в 2000 году в Иерусалиме в сборнике «После Юбилея» и, наконец, в Москве в 2006 году в сборнике Музея А. С. Пушкина на Пречистенке «Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению». Именно этот последний вариант статьи является наиболее полным и содержит полемику с критикой М. В. Строганова.

Кроме того, три раза был мною опубликован отчет метеорологов Черноморского флота о буре 1820 года (см., например, журнал «Крымский Архив», 1999, № 4), который доказывает мою правоту и, в частности, объясняет появление слова «воил» в первой редакции стихотворения Пушкина. Метеорологи документально фиксируют странность обрушившейся на Крым бури: жуткий вой, издаваемый сталкивающимися на разных уровнях воздушными массами. Кстати, и ряд других деталей стихотворения (те же «всечасные» молнии) получают полное подтверждение в документе метеорологов. В комментарии эти детали пушкинского текста обойдены молчанием. Практически все эти работы были в прошлые годы посланы мной и моими коллегами в библиотеку Пушкинского Дома. То есть знакомство с ними не является проблемой.

5. Е. В. Кардаш считает сомнительной мою точку зрения на историю замысла стихотворения «Буря» (стихийное ненастье застало Раевских и Пушкина врасплох), так как ей кажется справедливым замечание, что «обитателям Гурзуфа было заранее известно» о приближении тайфуна. Каким образом? Им позвонили вечером по телефону из Севастополя? Прислали факс или e-mail? К ним прискакал верховой? Комментатор знает, на каком расстоянии Гурзуф находится от Севастополя? Е. В. Кардаш известно, что первую дорогу вдоль Южного берега начнут строить через пятнадцать лет после приезда Пушкина? Наконец, кто в Севастополе, вечером приходившем в себя после жуткой бури, едва не погубившей флот, мог думать о маленьких приморских деревнях и поселках южного берега?

Обитатели дачи Ришелье 27 августа 1820 года видели приближающуюся непогоду? Да. Именно об этом я и говорю в своей статье. Они наблюдали надвигавшиеся темные тучи, которые их радовали, так как они несли им после сумасшедшего зноя долгожданную прохладу. И, конечно же, это обстоятельство не только не могло заставить их отказаться от мысли о прогулке, но напротив – манило гостей Гурзуфа на улицу и к морю. Другое дело, что они и предположить не могли, какой силы природное явление вот-вот обрушится на их тихую обитель. В конце концов, этот факт доказывает не полемика между В. П. Казариным и М. В. Строгановым, а стихотворение «Буря», в котором описывается именно ночная прогулка, застигнутая аномальной стихией. Или мы не верим и самому Пушкину?

Не слишком ли много погрешностей для статьи объемом в 2,5 страницы?

Крымское пушкиноведение, продолжая славные традиции, заложенные сто лет назад А. Л. Бертье-Делагардом и А. И. Маркевичем, весьма преуспело в комментировании текстов поэта, связанных с полуостровом, выявлении стоящих за ними реалий и разного рода обстоятельств, понимании рождаемых влиянием русской Греции и русского Востока новых смыслов. К сожалению, работы и находки крымских исследователей практически полностью проигнорированы авторами «Пушкинской энциклопедии». Подтвердим это утверждение конкретными примерами.

Изучение обстоятельств переправы Раевских и Пушкина из Тамани в Керчь на парусном корабле 15 августа 1820 года позволило установить, что плавание через пролив заняло у путешественников вместо двух с половиной целых восемь

часов. Переpravлявшийся в этот же день Г. В. Гераков, записал в своем дневнике, что он причалил к берегу в пять вечера и что Раевские «приехали» позже [7, с. 37-38]. Следовательно, Пушкин подплывал к древнему крымскому городу на исходе дня. В свете этого обстоятельства становится понятно, почему в стихах поэта упоминание о Керчи всякий раз будет изобразительно решено как панорама, открывающаяся взору пловца, приближающегося к берегу на фоне уходящего солнца. Ключевым элементом этой панорамы неизменно оказывается находящаяся в центре города гора Митридат, которую Пушкин (в соответствии с легендарными преданиями того времени) воспринимал как гигантский курган – могилу прославленного понтийского царя Митридата VI Евпатора:

*И зрит пловец – могила Митридата
Озарена сиянием заката.*

[II, 190]

Это строки из крымского стихотворения Пушкина «Кто видел край, где роскошью природы...» 1821 года. Запечатлѐнный в них визуальный образ Керчи одинаково присутствует и в черновой [II, 670], и в белой его редакции, отражая своими вариациями поиски поэта. Реплику этого образа (опять с вариацией) встречаем в черновиках крымских строф «Путешествия Онегина» 1829 года [VI, 487]. В научный оборот это наблюдение введено нами еще в 1994 году [11], после этого не раз републиковалось. Именно оно позволяет доказательно говорить, что в этом стихотворении Пушкин одновременно видит в Крыму и античную Керчь, и ориентальный Гурзуф. Комментатор А. И. Рогова, игнорируя наши публикации и многолетний пушкинский энтузиазм по поводу Пантикапеи-Керчи и Босфора Киммерийского, разделяющего в географических представлениях того времени Европу и Азию («Из Азии переехали мы в Европу на корабле» [XIII, 250]), видит в названном стихотворении только «реальные приметы гурзуфского пейзажа» [3, с. 551]. Это противоречит его обобщающей всекрымской, а не только южнобережной образности. Как быть в таком случае с тем, что поэт, перечисляя достопримечательности Крыма, называет наряду с «селеньями» и «города»? На Южном берегу Крыма не было в то время городов. Как объяснить упоминание Пушкиным той же степной (а не горной и не приморской) реки Салгир? Эти вопросы можно продолжить.

Предваряя выход первого тома «Пушкинской энциклопедии», редакция издания заявляла о твердом намерении выдерживать «энциклопедический характер подачи всех необходимых сведений – максимум информативности и сжатый, лаконичный стиль в описании историко-литературных фактов и бытовых реалий, необходимых для углубленного анализа пушкинских текстов» [2, с. 3]. Это похвальное намерение, к сожалению, не всегда реализуется на практике. «Углубленный анализ пушкинских текстов» на нынешнем этапе развития пушкиноведения, накопившего усилиями наших великих предшественников громадный фактографический материал (который продолжает все время пополняться), невозможен без освоения и комплексного осмысления этого материала. Вот почему авторы энциклопедических статей должны пройти настоящую школу не только комментаторов, но и пушкинистов. Нельзя игнорировать визуальный образ Керчи, фактографическая основа которого документально выявлена, если этот образ 1) несколько раз 2) с важными вариациями 3) повторяется Пушкиным в знаковых произведениях, включая роман «Евгений Онегин», 4) на протяжении десяти лет. Настойчивость поэта свидетельствует о том, что за этим образным комплексом (пловец, Митридат, его могила, древний античный город, закатное солнце) скрывается что-то очень для него важное, и мы это важное должны понять. Вместо этого мы даже не упоминаем об этом устойчивом образном комплексе.

· Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина даются в прямых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской – страницы по Большому Академическому Полному собранию сочинений поэта.

Внимательное отношение к фактам и деталям, к документально подтвержденным вновь вскрытым обстоятельствам позволяет следить за движением пушкинской мысли, устанавливать связь между разными замыслами поэта, порой отделенными друг от друга значительным временем, выявлять скрытый от неподготовленного взгляда подтекст.

Проиллюстрируем эту мысль.

Видимо, в третьем или четвертом томе энциклопедии должна будет появиться статья, посвященная крымской элегии 1820 года «Погасло дневное светило...». В этой элегии фигурирует «корабль», а значит, комментаторы должны будут подробнее коснуться проблемы морского перехода Раевских и Пушкина из Феодосии в Гурзуф. Надеюсь, хотя бы в этом комментарии Пушкинский Дом перестанет отправлять Пушкина в плавание на бриге «Мингрелия», потому что еще два с половиной десятка лет назад я и мои ученики А. В. Киселев и Е. В. Черноусова (Андрейко) установили, что «кораблем», увековеченным в элегии, был не бриг, а корвет, носивший не грузинское, а шведское название – «Або» [7, с. 103-114]. В начале элегии с документальной точностью описаны обстоятельства отправки в плавание наших путешественников 18 августа. Так как все лето 1820 года на юге стояло полное безветрие (почему и переправлялись Раевские с Пушкиным из Тамани в Керчь не два с половиной часа, а целых восемь), сопровождаемое страшной жарой, корабли отправлялись в путь утром или вечером, пользуясь появляющимся из-за перепада температуры моря и суши береговым или морским бризом, который наполнял их паруса. Смешение морского и берегового воздуха приводило также к появлению на какое-то время тумана и легкому волнению на море. Все это в деталях воспроизведено Пушкиным:

*Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*
[II, 146]

Но оказывается, этот феодосийский порт, военный парусный корабль, ожидание попутного ветра и начало плавания получили отражение в творчестве Пушкина еще два раза. В 1832-1835 годах поэт сочтет необходимым вспомнить об этом эпизоде в поэме «Езерский» в XIII-й строфе (она будет включена С. М. Бонди в повесть «Египетские ночи» [VIII, 269]):

*Зачем крутится ветр в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?*
[V, 99]

В 1833 году в стихотворении «Осень» (строфы XI и XII) крымским событием тринадцатилетней давности Пушкин будет иллюстрировать возвращающееся к нему вдохновение:

*Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.*

*Плывет. Куда ж нам плыть?.....
.....
.....*

[III, 265]

Есть ли необходимость доказывать далее важность для Пушкина феодосийского визуального образа? Думается, нет. Являются ли связанными друг с другом разделенные тринадцатью годами случаи обращения поэта к этому образу? Конечно, да. Можно ли писать для второго тома «Пушкинской энциклопедии» статьи о «Египетских ночах» (авторы М. Н. Виролайнен, О. С. Муравьева) и «Езерском» (автор О. С. Муравьева), не учитывая при этом, что эти произведения внутренне связаны со стихотворениями «Осень» и «Погасло дневное светило...», которые сугубо по законам алфавита попадут в какие-то последующие тома? Нет. Но тогда почему в уже опубликованных комментариях к «Египетским ночам» и «Езерскому» об этом внутреннем сопряжении не сказано ни слова?

Другой пример. Уже опубликована статья О. С. Муравьевой о послании 1821 года «К Овидию», в которой справедливо сказано, что разработанная в этом стихотворении «лирическая тема» личного бессмертия будет позднее «варьироваться в целом ряде пушкинских произведений» вплоть до «Памятника» [3, с. 377]. Вместе с тем совершенно проигнорировано в этой статье то, что тема Овидия является также частью другого образно-тематического ряда, связанного с храмом Дианы и мифом об Ифигении, над которым Пушкин напряженно размышляет в Крыму в Георгиевском монастыре [12]. А этот круг размышлений получил отражение также в послании «К Чадаеву» («К чему холодные сомненья...») (1820-1824), в поэме «Цыганы» (1824) и в «Путешествии Онегина» (1829).

Конечно, наши вопросы в чем-то носят риторический характер и в каких-то конкретных аспектах могут быть оспорены. Принципиальное значение имеет понимание того, что подготовка энциклопедии не может быть осуществлена без крайне трудоемкого и комплексного осмысления всего накопленного материала еще до того, как будет сдан в печать первый том издания, потому что в противном случае это издание не будет целостным. А для этого заранее должен быть сформирован целостный коллектив авторов (а не просто приглашены поодиночке отдельные пушкинисты). Мало того, этот коллектив нельзя сформировать на базе одного отдела или одного института. Его нельзя сформировать даже на базе одного региона или одной страны. Разумеется, основу коллектива составит более или менее широкий круг постоянных сотрудников, но он, на наш взгляд, должен быть усилен более широким кругом специалистов по разным региональным или тематическим проблемам, привлеченных к работе на волонтерской, как принято сегодня говорить, основе. Так, как это было сделано создателями «Лермонтовской энциклопедии».

Понятно, что само по себе количество привлеченных к работе специалистов не решает проблемы. Это должны быть профессиональные, подготовленные к выполнению очень сложной работы комментатора исследователи. Перефразируя слова К. С. Станиславского, редакция «Пушкинской энциклопедии» должна была бы провозгласить, что она не нанимает сотрудников, она их коллекционирует. Во-первых, это связано с тем, что мы имеем дело с энциклопедией Пушкина, который, как известно со времени Аполлона Григорьева, «наше всё». Во-вторых, именно поэтому так много учреждений, фондов и частных лиц (отечественных и зарубежных) оказали проекту финансовую поддержку, о чем пишут издатели, предваряя первый том. Но в этом случае, на наш взгляд, и формирование круга исполнителей проекта должно было носить публичный характер, демонстрируя общественности стремление открыто собрать вокруг энциклопедии лучших специалистов не только всей страны, но и ближнего и дальнего зарубежья.

Я не припоминаю такого рода публичную акцию со стороны Пушкинского Дома.

Знакомство с изданными двумя томами не дает оснований говорить о коллекционировании руководителями проекта своих авторов. Иногда существо дела отчетливо проявляется через сугубо периферийные вещи. На мой взгляд, имеет место странная избирательность в подборе библиографии к статьям. В первых двух томах энциклопедии «Указатель имен» 24 раза отсылает читателя к работам О. А. Проскурина, 21 раз – Ю. Н. Тынянова, 17 раз – В. С. Непомнящего, 16 раз – В. М. Жирмунского, 13 раз – Н. И. Михайловой, 4 раза – Л. Г. Фризмана. Эта наша выборка сознательно носит случайный характер, но все равно оставляет много вопросов.

Другая проблема: всегда ли обоснован выбор редакцией своих авторов? Конечно, это суверенное право издателей. В ряде случаев с ними нельзя не согласиться. Замечательные статьи в энциклопедии написаны исследователями как старшего, так и молодого поколений. Сознательно не будем никого называть. Каждый читатель сам отметит достойные имена. Или не отметит. Но отсутствие в числе авторов «Пушкинской энциклопедии» многих авторитетных ученых непонятно. Тем более, что некоторые тексты, на наш взгляд, не отвечают требованиям энциклопедического жанра.

Автор – это его стиль. Чтение некоторых статей уже на стилистическом уровне ведет к утрате доверия к исследователю. Так, одним из трех авторов комментариев к роману «Евгений Онегин» является Ю. Н. Чумаков. Статья о «Евгении Онегине», несомненно, должна быть в «Пушкинской энциклопедии» одной из центральных, если не просто центральной. А крымский читатель этой статьи будет лицом заведомо пристрастным, потому что поэт объявил «колыбелью» романа наш полуостров. По мере чтения той части этой «центральной» статьи, которая написана Ю. Н. Чумаковым, остаешься наедине с тяжелым недоумением. Приведем некоторые примеры.

«Сюжет «Евгения Онегина» наиболее адекватно может быть охарактеризован при помощи категории внефабульности» [3, с. 8]. Или: «Такой тип сюжета и может быть охарактеризован как внефабульность или сюжетная полифония» [3, с. 9]. Я понимаю мысль, которую хочет выразить автор (другое дело, как я к ней отношусь), но так по-русски не говорят. Тем более в рафинированной научной среде. Оказывается, говорят: «Сложность и многосоставность авторского образа постигается лишь путем аналитического анализа текста» [3, с. 12]. Недостаточное владение профессиональной терминологией приходится возмещать использованием публицистических приемов: «Однако четырежды описанная смерть Ленского... на фоне незаметности (?) в «Евгении Онегине» десятка с лишним других смертей производит ошеломляющее впечатление» [3, с. 13]. Но журналист ведь тоже не может быть свободен от законов стилистики русского языка? Может: Пушкин, оказывается, предлагает читателям «решить альтернативу» судьбы Ленского [3, с. 13-14]. Или: «читатель узнает из романа» «какие тогда танцевали танцы» и «в какие карточные игры играли» [3, с. 14]. Беден, беден русский язык, не хватает в нем слов для выражения мысли. Тогда можно вернуться к стилистике 40-50-х годов и понятно самовыразиться: «Евгений и Татьяна – яркие и незаурядные личности, они несут свою драму, свой жизненный порыв, свою неосуществленную любовь сквозь общество, где сохраняют власть патриархальные традиции, удерживающие связи между людьми, но и подавляющие личностное начало» [3, с. 14]. Да, «несут свою драму сквозь общество» это сильно! А в целом, очень похоже на тесты из советских книг по обществоведению.

Готов полностью согласиться со словами автора статьи: «Эти перечисления можно продолжать до бесконечности» [3, с. 14]. Действительно, до бесконечности, потому что «композиция романа выстроена по принципу фрагментарности», но при этом «система композиционных “перегородок”» является «двухступенчатой». Мало того, «многочисленные несогласованности и нестыковки» создают в композиции романа «ощущение, что каждый элемент текста является отдельным “атомом”, самостоятельной частью целого». Вследствие чего, «в строении отдельных глав и всего романа в целом прослеживается круговая композиция». «Однако в результате все сцепляется в неразъемную, целостную и связную сферу» [3, с. 14-16].

Все изложенное Ю. Н. Чумаковым может быть предметом описания в научной статье или книге, но жанр энциклопедического комментария требует совершенно других принципов рассмотрения и освещения круга проблем, связанных с тем или иным произведением.

Повторю еще раз свой вопрос: всегда ли обоснован выбор редакцией своих авторов? Готовы ли они справиться с тяжелой задачей – быть комментаторами пушкинских текстов?

В первом томе энциклопедии автором статьи о поэме «Бахчисарайский фонтан» редакция избрала О. А. Проскурина. Мне представляется неудовлетворительным и во многих отношениях показательным его комментарий к этому произведению. Начнем с сенсации, которая открывает

статью: «Бахчисарайский фонтан (1821-1823) – «южная поэма», отразившая впечатления Пушкина от пребывания в Крыму в июне-сентябре 1820 г.» [2, с. 100]. Даже не знаешь, что дальше и говорить. Общеизвестно, что поэт находился в Таврической губернии (она занимала чуть большую территорию, чем сегодняшние границы Крыма) немногим более месяца – с 15 августа до 13-15 сентября (ночлег и отъезд из уездного города Перекоп). Откуда взялись четыре месяца? Даже как-то неудобно отсылать авторов «Пушкинской энциклопедии» к трижды изданной академической «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского. И главная наша печаль в том, что это далеко не единственный пример, скажем так, слабого владения некоторыми авторами энциклопедии фактическим материалом (примеры еще будут). Мне трудно себе представить, чтобы в Испании или Англии авторы фундаментальных справочных изданий о Сервантесе или Байроне путались в датах их жизни и творчества. Что теперь возразить настырному крымскому школьнику, который с «Пушкинской энциклопедией» в руках будет доказывать учителю, что он неправильно рассказывает классу историю путешествия Пушкина по нашему полуострову?

Крымское пушкиноведение (особенно – востоковедческое, тюркологическое), получившее в последние десятилетия большое развитие в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике, накопило в связи с поэмой «Бахчисарайский фонтан» значительный фактический материал, который совершенно не учтен О. А. Проскуриным. Так, наш комментатор утверждает: Пушкин «вряд ли видел в Бахчисарае “жен простых татар” (порядок слов поэта во фразе автора статьи искажен; кроме того, у Пушкина в тексте «супруги», а не «жены». – В. К.), избегавших появляться перед посторонними мужчинами» [2, с. 102].

Во-первых, поневоле спросишь себя: кто был 7-8 сентября 1820 года в бывшей столице Крымского ханства – Пушкин или О. А. Проскурин?

Во-вторых, Пушкин оказался в Бахчисарае в те дни, когда крымские татары отмечали второй по значимости мусульманский праздник – Курбан-байрам, о чем мы еще скажем. А. И. Бронштейн, Л. Н. Малиновская, О. А. Желтухина и другие сотрудники заповедника в своих работах давно и подробно рассказали о значении этого праздника, ритуале его проведения, объяснив тем самым значение поэтических строк, вызвавших возражения комментатора:

*Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.*

[IV, 162]

Курбан-байрам – праздник жертвоприношения. В эти дни бедным раздают мясо, друзьям и знакомым дарят подарки. Именно этим и были заняты, пишет А. И. Бронштейн, увиденные поэтом в Бахчисарае мусульманские женщины, «направлявшиеся к родным и соседям с угощениями» [7, с. 181].

В-третьих, никакие «посторонние мужчины» видеть их не могли, так как они, как и положено правоверным мусульманкам, были в праздничных хиджабах («покрыты белой пеленой»). У крымских татар женские головные платки называются «марама» или «фырланта».

Чем уличать в неточностях Пушкина, О. А. Проскуру следовало бы тщательнее перепроверить текст собственного комментария к поэме, избавив его от множества погрешностей. Нельзя написать о крымском хане Керим-Гирее (Кырым-Гирее), что он «правил с перерывами в 1758-1769 гг.» [2, с. 100], потому что перерыв был четырехлетний и один. Неверным является утверждение в связи с Фонтаном слез, что «мусульманская традиция не знала фонтанов как

памятников» [2, с. 101]. Чтобы в этом убедиться, достаточно привести в переводе на русский две арабские надписи на фонтане, которые, кстати, в тексте статьи почему-то вообще не фигурируют.

Верхняя надпись на фонтане, построенном в 1764 году персидским мастером Омером, представляет собой стихи, прославляющие хана Кырым-Гирея, тем самым, конечно же, превращая сооружение в памятник:

*Слава Всевышнему! Лицо Бахчисарая опять улыбнулось:
Милость великого Кырым-Гирея славно устроила!
Неусыпными стараниями он напоил водой окрестности,
И если будет на то воля Аллаха, сделает еще много добрых дел.
Он тонкостью ума нашел воду и устроил прекрасный фонтан.
Если кто хочет проверить, пусть придет и посмотрит:
Мы сами видели Дамаск и Багдад и не встретили там ничего похожего!
О, шейхи! Кто будет утолять жажду, тому Коран языком своим скажет:
Приди, напейся воды чистойшей из источника исцеляющего!*

Последний стих надписи («Приди, напейся воды...»), традиционный для оформления фонтанов, отзовется позднее в пушкинском отрывке, не поддающемся точной датировке, «Сей белокаменный фонтан, / Стихов узором испещренный <...>». Отрывок заканчивается теми же словами, что и первая надпись: «Приди и пей» [III, 472].

Нижняя надпись, продолжая (по глубокому замечанию Л. Н. Малиновской) верхнюю [см. 13], является цитатой 18 стиха 76 суры Корана: «В раю праведные будут пить воду из источника, называемого Сельсебиль». Фонтан слез как раз и принадлежит к типу фонтанов «сельсебиль» (священных).

Знал ли Пушкин об этих надписях? Конечно, знал. Во-первых, он упоминает их в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824):

*Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...*

[II, 343]

Во-вторых, перевод верхней надписи дан в книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» [14, с. 111], которой пользовался наш поэт. В-третьих, Пушкин, как и И. М. Муравьев-Апостол, имел то самое «полицейское послание», которое содержит перевод арабской надписи и которое породило целую литературу, посвященную разгадке странного названия документа.

Энциклопедическая статья, как уже было нам обещано редакцией, должна обеспечить читателю «максимум информативности», «описав» для этого факты и реалии, «необходимые для углубленного анализа пушкинских текстов» [2, с. 3]. Одной из таких реалий в истории поэмы является загадочное до недавнего времени «полицейское послание», которое Пушкин «прилагает» как материал для «предисловия или послесловия» П. А. Вяземскому в письме от 4 ноября 1823 года [XIII, 73] и которое автор статьи о «Бахчисарайском фонтане» даже не упоминает. Загадка «полицейского послания» была решена 20 лет назад Е. В. Черноусовой (Андрейко). Она нашла в архиве документы, из которых следовало, что в связи со смертью (за три месяца до приезда в Бахчисарай Раевских и Пушкина) смотрителя Ханского дворца на бахчисарайского полицмейстера И. Д. Ананьича было временно возложено попечение над музеем [15, с. 52]. Стало понятным, почему поэт подготовленную И. Д. Ананьичем для посетителей справочную записку назвал «полицейским посланием».

Мимолетного упоминания по пустяковому поводу удостоилась в энциклопедической статье «Татарская песня» [2, с. 112], между тем она является одним из ключевых пунктов в изложении Пушкиным своего понимания ислама и исламской культуры. Глубокий и яркий исследователь крымскотатарской культуры (впрочем, как и многих других), М. А. Новикова впервые обратила внимание на парадокс: пока «милые жены» Гирея забавляются в гареме игрой с золотыми рыбками, «невольницы» встречают появление хана «песнью звонкой и приятной». Вот только песня эта оказывается не игриво-эротичной, а торжественно-конфессиональной – своеобразными «тремя блаженствами» ислама. Это блаженство аскетизма, блаженство праведной битвы и блаженство мирной любви. Они открываются перед Гиреем как три пути, которые «дарует небо человеку» [IV, 158-159]. И весь последующий сюжет поэмы (причем, сюжет не только Гирея, а и всех других действующих лиц) станет духовной проверкой на то, как поняли – или не поняли – все они слова этой песни-молитвы [16, с. 8].

К сожалению, «Татарская песня», которая сначала носила у Пушкина название «С турецкого» [IV, с. 402], вниманием комментатора удостоена не была.

Можно, пожалуй, остановиться в перечислении замечаний фактографического плана к статье О. А. Проскурина. Их слишком много, хотя они и носят порой частный характер (но разве в энциклопедии допустимы какого бы то ни было рода фактические ошибки?). Но вот что я хочу особенно подчеркнуть, так это весьма критическое и суровое отношение нашего комментатора к Пушкину. Ну, ничем не может угодить поэт своему исследователю: и «познания Пушкина в области крымской истории были весьма общими и далекими от исторической детальности», и «крымский пейзаж в поэме... чрезвычайно условен», и «этнографическая точность» в ней «иллюзорна». В тех фрагментах, где «предпринята попытка воссоздания “местного колорита” и “исторической достоверности”» зоркий взгляд исследователя сразу выявляет многочисленные заимствования из маркиза де Кастельно, П. И. Сумарокова, С. С. Боброва, в крайнем случае, Байрона и Томаса Мура [2, с. 101-102, 112 и др.]. И в результате, например, не имеет никакого значения тот реальный факт, что в период, когда Пушкин находился в Бахчисарае, город был заполнен в вечернее время женщинами в белых хиджабах, направлявшихся (в соответствии с традицией праздника) с подарками к родным и знакомым, и что Пушкин наблюдал это воочию. Сказано комментатором, что этот поэтический образ прямое заимствование из П. И. Сумарокова, и точка.

При внимательном чтении статьи О. А. Проскурина временами возникает комический эффект. Оказывается, если поэтическое клише «берега Салгира» автор поэмы заимствовал у С. С. Боброва, то выражение «берег Дуная» в «Татарской песне» ему подарил Байрон [2, с.102, 112]. Интересно, кому в таком случае Пушкин обязан формулой «берега пустынных волн»?

Забегая вперед, отметим, что во втором томе таким же непримиримым образом О. А. Проскурин отвергнет какую бы то ни было «документальность пушкинских описаний» в «Кавказском пленнике» [3, с. 419], получив в этих своих усилиях поддержку авторов статьи о поэме, сочувственно пересказывающих его позицию целыми страницами. С 1822 года почти полтора десятилетия Пушкин будет снова и снова подчеркивать, что «описание нравов черкесских» является «самым сносным местом во всей поэме» [XIII, 371], что это «лучшая часть моей повести» [XIII, 52], что «своим успехом» повесть обязана «верному», с точки зрения поэта, «изображению Кавказа и горских нравов» [IV, 367], наконец, что «все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» [VIII, 451].

Но нет, все попытки Пушкина ввести в заблуждение прозорливого исследователя потерпят крах. Ничего поэтом не «угадано», ничто у него не «верно». «Поразившие современников кавказский пейзаж и картины горских “нравов” – это удачный монтаж разнородного цитатного материала, поэтических “описаний” Ломоносова и Державина, Жуковского и Батюшкова, даже А. Востокова» [3, 419]. Через тринадцать строк этот перечень имен будет дополнен Байроном. Хорошо еще, что сомнению не подвергается сам факт пребывания Пушкина на Кавказе. Впрочем,

почему не подвергается? Ведь уже сказано О. А. Проскуриным, что в июне, июле и августе 1820 года поэт был не на Кавказе, а в Крыму [2, с. 100].

Энциклопедия на то и энциклопедия, чтобы давать читателю по возможности полные и совершенно точные знания о том или ином предмете. К сожалению, 2 том продолжает худшие традиции тома 1-го. Так, мы прочитаем в новой книге «Пушкинской энциклопедии» в статье М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова о «Кавказском пленнике», что «восточные» поэмы Байрона были созданы в 1813-1816 годах [3, с. 413]. Как известно, это не так. Четыре «восточных» поэмы были не только написаны, но и опубликованы (та же поэма «Гяур» еще и семью изданиями) в период с мая 1813-го до начала августа 1814 года, то есть всего за год и три месяца. «Абидосская невеста», законченная в первой половине ноября 1813 года, вышла из печати уже 2 декабря. К сожалению, Пушкин о такой быстрой издательской практике в условиях русской подцензурной печати мог только мечтать.

Главный пафос статьи о «Кавказском пленнике» состоит в стремлении доказать, что «южные» поэмы Пушкина созданы по модели «восточных» поэм Байрона, а для «кавказской повести» они послужили еще и образцом [3, с. 412-414 и др.]. Причем Пушкин настолько несамостоятелен в этом следовании «образцам» и «моделям», что даже его примечания к поэме «Кавказский пленник» «самым тесным образом сближаются с примечаниями к «Гяуру» и даже заимствуются (sic!) из него» [3, с. 420]. Говоря современным языком, последнее утверждение фактически констатирует факт нарушения Пушкиным авторских прав Байрона. И авторы статьи (ссылаясь на работу О. А. Проскурина) на этом настаивают: из «Гяура», пишут они, Пушкиным, «в частности, почерпнуты сведения о празднике байрам» [там же]. Слова «в частности» многозначительно подчеркивают, что эта недостойная практика единичным «почерпыванием» сведений из примечаний не ограничивается. Бедный-бедный Пушкин, и зачем ты так неосторожно сначала «сблизился» с чужими «образцами» и «моделями», а потом занялся прямыми «заимствованиями» у своего великого современника?!

Подстраничное примечание Байрона под №1, «заимствованное» Пушкиным, сделано к тому фрагменту поэмы «Гяур», в котором в первый раз упоминаются завершающийся Рамазан и приходящий на смену ему «Байрама праздник долгожданный» [6, т. 3, с. 12]. Английский поэт сначала комментирует использованное им в стихах турецкое слово «tophaïke», обозначающее восточный тип мушкета, а потом говорит о Байраме: «"Tophaike", musket. The Bairam is announced by the cannon at sunset: the illumination of the mosques, and the firing of all kinds of small arms, loaded with ball, proclaim it during the night» [8, p. 21].

В современном переводе поэмы «Гяур», сделанном С. Ильиным, фрагмент со словом «tophaïke» переведен «Пальбы ружейной огоньки» [6, т. 3, с. 12]. А вот как по-русски звучит относящееся к этому месту примечание Байрона: «"Tophaike", мушкет. Байрам объявляют залпом из пушки на закате солнца: иллюминация мечетей, пальба из всех видов пистолетов и ружей, заряженных пулей, возвещает о нем целую ночь». Теперь напомним пушкинское примечание к «Кавказскому пленнику», которое нам предлагают считать «заимствованным» из байроновского «Гяура»: «*Байран* или *Байрам*, праздник розговенья. *Рамазан*, мусульманский пост» [IV, 117].

Что из написанного Пушкин должен был «заимствовать» у Байрона? Заимствовать ему, прямо скажем, нечего. Британский поэт ничего не пишет в своем примечании ни о существовании Байрама, ни о существовании Рамазана. Но зато с течением времени это начинают делать в английских изданиях поэта научные редакторы, все более расширяя свой комментарий к тексту его произведений. Если мы возьмем, например, том произведений Байрона, выпущенный тем же лондонским издательством John Murray, но уже не в 1842-м, а в 1900 году, то увидим, что после примечания самого Байрона в квадратных скобках добавлен следующий комментарий издателя Эрнеста Кольриджа: «The Bairâm, the Moslem Easter, a festival of three days, succeeded the Ramazân» [9, p. 96]. Перевод: «Байрам, мусульманская Пасха, трехдневный праздник, следующий за Рамазаном». В этом дополнении уже появляется информация, обнаруживающая сходство с тем,

что пишет в своем примечании Пушкин. Но он этого дополнения при своей жизни прочесть никак не мог.

Фактически статья о поэме «Кавказский пленник» написана не двумя указанными в энциклопедии авторами, а тремя. Третьим и главным автором является О. А. Проскурин, работы которого не только изобильно цитируют авторы статьи (ссылок на него, пожалуй, больше, чем цитат из В. М. Жирмунского), но на исследованиях которого этими авторами фактически выстроено все понимание пушкинской поэмы. Именно О. А. Проскурин высказал идею, что пушкинские примечания являются «дословным переводом (с инверсией) <...> байроновских примечаний», правда (вот еще один рубеж обороны этой экзотической точки зрения), во «французском переводе» [10, с. 250]. Ну, во-первых, если это всё еще «заимствования», то теперь уже не совсем из Байрона. А во-вторых, давайте посмотрим на эти французские переводы сами, без наших ненадежных посредников.

Вновь приходится пожалеть Пушкина. Приводимыми французскими примерами он лишён уже последних остатков так ценимого им «самостоянья». Помните примечание нашего поэта к поэме «Кавказский пленник» под №4? Цитируем: «*Шашка*, черкесская сабля». (Аналогичны ему примечания №№ 1, 2, 3, 5 – «*Сакля*, хижина.» – и 9.) Оказывается, примечание №4 (как и остальные) опять же составлено «по образцу примечаний Байрона (и его переводчиков) к “Гяюру”» [10, с. 249] ! А вот и сам «образец»: «*Tophaique. C'est le mousquet des Turcs*». Перевод: «Тюфек. Турецкий мушкет». Вот так! Как ни пытался наш великий поэт скрыть факт своего плагиата, исследовательский талант О. А. Проскурина не позволил ему этого сделать. Впрочем, пушкинская неудача тут же будет отомщена: комментатор поведает нам, что Байрон в свою очередь также «позаимствовал часть своих примечаний к восточным поэмам <...> у У. Бекфорда» [10, с. 250]. Не собрание великих поэтов, а просто какая-то шайка жалких заимствователей-плагиаторов.

Уважаемые авторы энциклопедической статьи, поверьте, для объяснения читателю, что такое «шашка», не нужен Пушкину никакой «образец» от Байрона, потому что такого рода примечания являются всего лишь аналогом обыкновенной словарной статьи. Не «путался» Пушкин в восточных праздниках: он отчетливо различал Ураза-байрам и Курбан-байрам. Есть у поэта «этнографическая точность» в описании Кавказа, который он видел собственными глазами. Не является «грубой ошибкой» фраза из черновика «светлый Рамазан», потому что это всего лишь поиск итоговой фразы, а Рамазан с полным правом (как и Байрам) можно назвать «светлым». Хотя бы потому, что оба этих события сопровождаются иллюминацией мечетей и домов. Но не только. Рамазан «светлый», потому что это месяц очищения от греха, месяц добра и правды. Черкесские «игры» в поэме «Кавказский пленник» как раз «отражают» реальные «жизненные наблюдения», которые Пушкин вынес из поездки на Кавказ. Эти состязания описаны не только им и Лермонтовым, но также авторами ряда путевых очерков той поры. Таким образом, «игры» горцев рождены именно жизнью, а не литературой, и поэтому нет у них необходимости опираться «на традицию героических состязаний, восходящую к “Илиаде”» [10, с. 220].

Наконец, не является бедное, обвиненное во всех тяжких пушкинское примечание о Байраме и Рамазане «дословным переводом (с инверсией) французского перевода байроновских примечаний: “*Le rhamazzan est le carême, et le bairam [est] le [c]arnaval des musulmans*”» [10, с. 250]. (В прямых скобках мною внесены поправки в неисправный французский текст О. А. Проскурина, стилистику русского комментария автора оставляю на его совести.) Перевод: «Рамазан это Великий Пост, а байрам – мусульманский праздник». Где вы нашли у Пушкина дословность в пересказе этого французского текста? Разве не видно, что внутренний смысл пушкинского примечания состоит совершенно в другом?

Пушкину не нужно было обращаться к Байрону для получения сведений о Рамазане и Байраме. Русский поэт жил в стране, значительные территории которой населяли подданные Российской империи, исповедовавшие ислам. Многие из них были его друзьями, поэтому рядом с Пушкиным было достаточно людей, которые могли посвятить его в тонкости этой религии. В

одном из «мусульманских» регионов, – а именно, в Крыму! – Пушкин как раз и начал писать поэму «Кавказский пленник», которая первоначально носила название другого «мусульманского» региона, где родился ее замысел, – это Кавказ. Именно на Кавказе 3 июля 1820 года Пушкин с Раевскими (как и юный Лермонтов с родными 15 июля 1825 года) были на традиционном празднике, организуемом мусульманами для гостей Северо-Кавказских минеральных вод в ауле Аджи на следующий день после окончания первого по значимости религиозного праздника – трехдневного Большого Байрама, или Ураза-байрама (праздник разговения). Именно поэтому элементы описания «Байрана» – так (не по-байроновски!) это слово пишут в «Кавказском пленнике» и «Измаил-Бее» Пушкин и Лермонтов – обнаруживают у наших поэтов полное сходство, одновременно значительно отличаясь от картин, которые рисует Байрон. В частности, Ураза-байрам в России, конечно, не мог сопровождаться пальбой из огнестрельного оружия, продолжающейся всю ночь. Хотя традиция сигнального выстрела из пушки, извещающего о начале праздника, сохранялась.

Уже в Бахчисарае 7-8 сентября 1820 года Пушкин станет свидетелем того, как крымские татары отмечали второй по значимости исламский праздник – четырехдневный Малый Байрам, или Курбан-байрам (праздник жертвоприношения, который имеет свой обряд), передав эти свои впечатления в поэме «Бахчисарайский фонтан».

Мало того, Пушкин совершает ошибку, которая яснее многих рассуждений свидетельствует о его независимости от Байрона. И автор «Кавказского пленника», и через десять лет Лермонтов в «Измаил-Бее», наблюдавшие каждый в свое время праздник Ураза-байрам на водном курорте, напишут его название в стихотворных текстах с буквой «н» на конце – «байран». Примечание Пушкина говорит о том, что это была не описка, а осознанный выбор. Почему? Ответ на этот вопрос дает русская реальность той поры. Франкофонное русское дворянство произносит слово «байрам» с носовым «н» на конце, что и приводит к появлению соответствующего написания. Со своей стороны, Пушкин и Лермонтов фиксируют в своих поэмах такой вариант написания и произношения слова «байрам». Его появление, совершенно не соответствующее языковой практике Байрона, лучше всяких сложных и изощренных доказательств свидетельствует, что никакого слепого заимствования из английского поэта у Пушкина в «Кавказском пленнике» не было.

Авторы комментариев к «Кавказскому пленнику» справедливо утверждают, что создание поэмы «вывело русский стихотворный эпос из того состояния кризиса, которое к началу 1820-х гг. уже было вполне очевидным» [3, с. 412]. Ошибка их состоит в том, что они привычно увязывают этот успех Пушкина с «влиянием» на него «литературной модели байроновских “восточных” поэм [там же]. Позволю себе с этим решительно не согласиться. Не Байрон, а В. А. Жуковский подарил Пушкину свой портрет с известной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил поэму “Руслан и Людмила”. 1820, марта 26, Великая пятница». В. А. Жуковский сделал это, потому что именно баллады «учителя» (при всех многочисленных прочих «влияниях» и «воздействиях») первоочередным образом помогли «победителю-ученику» проложить дорогу к эпосу.

О видимой простоте и скрытой сложности взаимоотношений двух выдающихся художников слова писал в начале 20-х годов прошлого века в своей классической монографии «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунский. Переиздавая через пятьдесят лет это исследование на немецком языке, автор в предисловии к европейскому читателю с еще большей решительностью подчеркивал свою позицию: «Сопоставление лирических поэм обоих авторов... вскрыло глубокое различие между искусством Байрона и Пушкина. С самого начала школа Байрона была связана для Пушкина с внутренним сопротивлением и борьбой против учителя, которая в конце концов должна была привести к окончательному преодолению «байронизма». Именно там, где мы имеем как будто внешнее сходство их произведений, они обнаруживают в особенно очевидной форме различие их художественной сущности и стиля» [17, с. 10].

И далее: «"Байронический" образ безымянного кавказского пленника, как и Алеко в «Цыганах», не были подсказаны русскому поэту английскими образцами, они выросли из общественных условий преддекабристской эпохи и из личного, человеческого опыта самого поэта. Исследователь литературы не вправе упускать из виду это обстоятельство» [17, с. 11].

Главным защитником позиции В. М. Жирмунского является сам Пушкин, который полагал, что в период его зрелости творчество Байрона уже было фактом предыдущей художественной эпохи, а не актуальной современностью. Пушкин подробно излагает свою точку зрения по этому вопросу в письме П. А. Вяземскому из Одессы от 24-25 июня 1824 года: «Гений Байрона бледнел с его молодостию. <...> Он весь создан был на выворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал – пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились – после 4-ой песни Child-Harold Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом» [III, 99]. Напомним, что 4-я песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда» увидела свет весной 1818 года.

Я в который уже раз предлагаю Пушкинскому Дому и группе, которая работает над «Пушкинской энциклопедией» и новым Полным собранием сочинений поэта, пригласить к открытому сотрудничеству широкий круг ученых, которые работают за пределами Санкт-Петербурга и Москвы. Вероятно, следует собрать несколько сугубо рабочих конференций или круглых столов по проблемам комментирования текстов Пушкина, связанных с разными регионами и периодами.

Специалистов можно было бы собирать на несколько дней по темам, по периодам, по географическим регионам, небольшими группами (5-6 человек), широким представительством (20-30 человек). При необходимости эту работу можно было бы организовать и через Интернет. Исследователей следовало бы ознакомить с тем материалом, который уже подготовлен, чтобы они могли высказать свои замечания и предложения, основанные на глубоком знании регионального и тематического материала. Конечно же, далеко не все замечания и предложения, которые прозвучат на этих встречах, будут учтены составителями, но такая работа проверит на прочность то, что сделано, и позволит на ранней стадии устранить разного рода системные огрехи и избежать фактических ошибок.

Например, можно было бы комплексно обсудить комментарии к произведениям поэта, связанным с периодом южной ссылки и последующими откликами на нее. Можно отдельными группами собирать специалистов Грузии и Молдавии, Краснодарского края и украинских регионов – Киева и Каменки, Днепрпетровска (Екатеринослава) и Одессы. В силу особой в творческом отношении значимости самостоятельно должен рассматриваться Крым.

Я боюсь, что в противном случае Пушкин в новейших комментариях не только опять поплывет из Феодосии в Гурзуф на бриге «Мингрелия», но и на ночлег в Байдарской долине вместе с семейством Раевских в очередной раз за последние 195 лет не остановится, отправившись из Алупки сразу в Георгиевский монастырь.

Литература

1. Быт пушкинского Петербурга (СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. Вып. 1; 2005. Вып. 2); Пушкин и мировая литература (Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18-19).
2. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А-Д. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 520 с., ил.
3. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2. Е-К. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 600 с., ил.

4. Лермонтовская энциклопедия / Главный редактор В. А. Мануйлов. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с., ил.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1-16. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1937-1949; Т. 17: Справочный том. – 1959.
6. Байрон Д. Г. Собрание сочинений. В 4 т. – Москва: Правда, 1981.
7. «К пределам дальным...»: Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму / Под редакцией профессора В. П. Казарина. – Издание 3-е, дополненное и исправленное. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – 336 с., ил.
8. Lord Byron. The Giaour: A fragment of a Turkish Tale // Lord Byron. The Giaour. Bride of Abydos. The Corsair. Lara. – London: John Murray, Albemarle street, MDCCCXLII [1842]. – 258 p.
9. The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged edition, with illustrations. Poetry. Vol. III. / Edited by Ernest Hartley Coleridge. – London: John Murray, Albemarle street, 1900. – XXI+546 p.
10. Пушкин А. С. Сочинения / Комментированное издание под ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. – Москва: Новое издательство, 2007. – 648 с.
11. Казарин В. П. «К пределам дальным...»: (Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму). Вып. 1. – Севастополь: Ахтиар, 1994. – С. 24-32.
12. Ботвинник Н. М. Реминисценции из Овидия в стихотворении А. С. Пушкина «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья...») // Вторые Крымские международные Пушкинские чтения: Материалы. В 2 ч. Ч. 2. – Симферополь: 1993. – С. 33-34.
13. Малиновская Л. Н. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана («слез») в контексте исламской традиции // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 174-187.
14. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде: В 1820 году. – СПб., 1823. – 337 с., ил.
15. Андрейко Е. В. К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае: Из новых разысканий // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. – Симферополь. – № 1. – 1994. – С. 51-56.
16. Новикова М. А. Вчитываемся в «Бахчисарайский фонтан» // Зарубіжна література: Щотижневик. – Київ. – 2003. – Червень. – № 24 (326). – С. 1-9. См. недавнюю републикацию статьи: Благородний вимір наукового подвижництва: Збірник наукових праць :[К 100-летию Н. Е. Крутиковой]. – Київ: Наукова думка, 2012. – С. 80-92.
17. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. – Ленинград: Наука, 1978. – 424 с.